

www.volsu.ru

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.9>

UDC 81'42:81'271.16

LBC 81.055.52

Submitted: 11.10.2018

Accepted: 20.06.2019

EMOTIONAL CONCEPTS “CRYING” AND “LAUGH” IN THE DISCOURSE OF THE FOLK-SPEECH CULTURE KEEPER¹

Svetlana S. Zemicheva

Tomsk State University, Tomsk, Russia

Abstract. The study is performed with the aim of reconstructing the worldview of the informant – a traditional folk culture representative, the application of a cognitive-discursive approach to linguistic analysis of transcribed discourse of spontaneous speech determines its novelty and relevance. The reliability of the results is ensured with a considerable amount of speech material (more than 300 utterances). The particular attention is given to evaluative contexts, the analysis of which resulted in reconstruction of the value aspect of the speaker's worldview. It was established that in the informant's speech both universal and specific characteristics of the concepts “Laughter” and “Crying” are manifested. As universal characteristics, the relationship of the emotive and perceptual components in the structure of the studied concepts is determined, the prevalence of negative emotions over positive nominations, the inclusion of these concepts in virtue oppositions (i.e. “us” – “them”) is established. The features of the traditional folk worldview were reconstructed, including value of the family, attention to the material side of life, comprehension of animals as creatures of a lower layer in comparison with humans. The following personal characteristics of the informant are revealed: a high level of speech culture and communicative competence, vagueness, self-irony, the desire to harmonize communication.

Key words: linguistic person studies, emotional concept, laugh, crying, folk-speech culture, everyday speech, discourse-analysis.

Citation. Zemicheva S.S. Emotional Concepts “Crying” and “Laugh” in the Discourse of the Folk-Speech Culture Keeper. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 3, pp. 116-129. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.9>

УДК 81'42:81'271.16

ББК 81.055.52

Дата поступления статьи: 11.10.2018

Дата принятия статьи: 20.06.2019

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ КОНЦЕПТЫ «ПЛАЧ» И «СМЕХ» В ДИСКУРСЕ НОСИТЕЛЯ НАРОДНО-РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ¹

Светлана Сергеевна Земичева

Томский государственный университет, г. Томск, Россия

Аннотация. Работа выполнена на материале расшифровок естественной речи носителя традиционной народной культуры, что определило новизну проведенного исследования. Его актуальность обусловлена применением когнитивно-дискурсивного подхода к анализу текстов с целью реконструкции картины мира

информанта. Достоверность исследования обеспечивается значительным объемом речевого материала (более 300 высказываний). Особое внимание уделяется оценочным контекстам, изучение которых позволило описать картину мира носителя народной речевой культуры в ценностном аспекте. Установлено, что в речи информанта проявляются как универсальные, так и специфические характеристики концептов «Плач» и «Смех». В качестве универсальных определены взаимосвязь эмотивного и перцептивного компонентов в структуре рассматриваемых концептов, преобладание номинаций негативных эмоций над позитивными, включенность этих концептов в ценностные оппозиции (например, «свой» – «чужой»). Реконструированы особенности картины мира носителя народно-речевой культуры: ценность семьи, внимание к материальной стороне жизни, отношение к животным как существам низшего порядка по сравнению с человеком. Выявлены индивидуально-личностные черты информанта: высокий уровень речевой культуры и коммуникативной компетенции, некатегоричность, способность к самоиронии, стремление к гармонизации общения.

Ключевые слова: лингвоперсонология, эмоциональный концепт, смех, плач, народно-речевая культура, бытовая речь, дискурс-анализ.

Цитирование. Земичева С. С. Эмоциональные концепты «Плач» и «Смех» в дискурсе носителя народно-речевой культуры // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 3. – С. 116–129. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.9>

Введение

Заявленная тема разрабатывается в рамках масштабного проекта по изучению феномена диалектной языковой личности Веры Прокофьевны Вершининой (1909–2004), русской, малограмотной крестьянки, коренной жительницы с. Вершинино Томского района Томской области. Источником материала послужили расшифровки спонтанной речи информанта, записанной Е.В. Иванцовой и Л.Г. Гынгазовой в полевых условиях. Использовались также данные словаря, фиксирующего индивидуальный лексикон (ПСДЯЛ).

Исследование проведено с опорой на лингвоперсонологический подход, при котором в центре внимания оказывается «человек говорящий» – конкретная языковая личность. Он востребован в работах как отечественных [Гынгазова, 2007; Иванцова, 2002; 2014; Казакова, 2007; Ружицкий, 2017; Соломина, 2013; и др.], так и зарубежных [Asahi, 2009; Johnstone, 1996] ученых. Особенностью реализации этого подхода томскими диалектологами является недифференциальное описание лексикона диалектоносителя (учитываются как локально ограниченные, так и общерусские элементы).

Цель статьи – реконструировать фрагмент картины мира носителя народно-речевой культуры, представленный концептами «Плач» и «Смех».

Работа продолжает исследование эмоциональной лексики в идиолекте В.П. Вершининой, начатое под руководством Л.Г. Гын-

газовой (см.: [Борисова, 2012; Васильченко, 2015]).

Плач и смех – психофизиологические реакции, поэтому в семантике соответствующих единиц можно выделить два компонента: 1) эмоция (радость, печаль); 2) внешнее проявление эмоции (звуки, мимические движения, выделение слезной жидкости). Наличие в семантике номинаций смеха и плача компонента ‘эмоция’ позволяет рассматривать их как репрезентанты эмоциональных концептов.

Данные обозначения изучались в разных аспектах, как правило, на материале литературного языка [Казарина, Аль-Хаснави, 2013; Крейдлин, Переверзева, 2011; Попова, 2015; Ружицкий, 2017]. Работы, посвященные анализу этих единиц в диалектной речи, немногочисленны. Описаны, в частности, обозначения плача на материале донских говоров [Григорьева, 2009], архангельских говоров [Савельева, 2011], русских говоров в целом [Букринская, Кармакова, 2013]. В статье Л.Н. Коберник рассматривались метафорические номинации плача в одном из сибирских говоров [Коберник, 2012]. При этом все вышеназванные диалектологические исследования выполнены в рамках структурно-семантического подхода на основе имеющихся словарей. Анализ функционирования данных единиц в бытовой речи на обширном текстовом материале, насколько нам известно, не проводился, чем обусловлена новизна настоящей работы.

Представление об оппозиции «плач» – «смех» в традиционной культуре дано в словаре «Славянские древности», где указано, что

эти действия в народной традиции выступают как форма ритуального поведения, и описана их роль в славянских обрядах [Белова, 2012; Толстая, 2012].

Под термином «концепт» в данной статье понимается «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Кубрякова, 1996, с. 90].

Эмоциональный концепт, по Н.А. Красавскому, представляет этнически, культурно обусловленное сложное структурно-смысловое ментальное образование, вербализованное средствами языка и функционально замещающее человеку в процессе рефлексии и коммуникации однопорядковые предметы, вызывающие пристрастное к ним отношение человека [Красавский, 2001, с. 29].

Исследование проведено с применением методики дискурс-анализа бытового диалога, апробированной зарубежными лингвистами [Eftekar, 2012; Johnstone, 1996]. Она применялась также О.А. Казаковой при анализе жанров, используемых языковой личностью [Казакова, 2007].

В данной статье материал ограничен вербальными единицами (глаголами *смеяться*, *хотать*, *плакать*, *реветь*, их дериватами и синонимами); анализ невербального поведения языковой личности проводится лишь в единичных случаях и в будущем может стать основой самостоятельного исследования.

Результаты исследования

Концепт «Плач»

В анализируемом лексиконе зафиксировано 30 номинаций плача² в 208 контекстах. Самым частотным является глагол *плакать* (168 употреблений).

Субъектом плача чаще выступают другие люди (75 % примеров), реже – сам информант (25 %). Обычно субъект действия – женщины (90 % примеров), однако есть упоминания мужского и детского плача.

Для реконструкции исследуемого фрагмента картины мира диалектоносителя значима классификация высказываний на основе признака «причина плача».

Как правило, слезы вызваны смертью родственников. Примеры весьма многочисленны (26 текстов). В некоторых случаях они представляют собой детализированные рассказы³:

(1) В сорок восьмым году она [мать] умерла у нас восемнадцатого апреля. Всё как сейчас гляжу: пошла к им... – ну я тут жила, Степан жил тут... Ну и... пошла к им, иду, *пла-ачу*, а он: «Ты не плачь, не плачь! Ну чё *плакать*, ну чё? Болела она...» А я прям упала на кровать и *реву рёвом*. Он меня уговаривает-уговаривает: «Не плачь». Теперь хоть *заревись*, никто не уговорит ничё. Одна себе *плачу*, *плачу*...;

(2) Ох, как она *ревела* – *вижже 'ла* прям! Вот так: «У-у-у!» – изо всёй силы. Кодá стали закрывать-то это [гроб], она прям никак: прямо её до'ржут её прям все, она дак: «Дайте я хыть маленько ешо погляжу!» [Собиратель: Один сын?] Один был. Мальчик.

В приведенных примерах номинации плача сочетаются с глаголами движения (*пошла*, *иду*), обозначениями физического проявления эмоций (*упала на кровать*, *до'ржут*), междометиями (*Ох*, *У-у-у*), употреблены в конструкциях с прямой речью, что делает описание действия наглядным. Интенсивность переживания передается с помощью разноуровневых средств: фонетических (протяжка гласных: *пла-ачу*, *угова-ариват*), словообразовательных (*заревись*), лексических (синонимы: *ревела*, *вижжела*; частицы: *прям*, *прямо*, *дак*), фразеологических (*реву рёвом*, *изо всёй силы*), синтаксических (повторы: *не плачь*, *не плачь*; *плачу*, *плачу*). Такие ярко окрашенные эмоциональные фрагменты, как правило, встречаются в рассказах о смерти ближайших родственников – детей, родителей.

Однако возможно проявление сочувствия и по отношению к незнакомым людям, что указывает на восприятие смерти вообще как трагического события. В таких примерах в большинстве случаев речь идет о гибели молодых людей:

(3) [В ответ на рассказ односельчанки о гибели племянника:] Жалко всё равно. [Односельчанка: Это бы жа... [лко] только родне, а так-то...] Да а чё... дак, во'споди, пошто'? Я его не видала, не знаю – всё равно жалко. Всё равно жалко, у меня *слёзы* прямо.

В то же время смерть пожилого человека воспринимается скорее как норма. При

этом противопоставляется естественная и насильственная смерть:

(4) Я *плакала* прям об ей [пожилой односельчанке, подруге], ши'бко плакала. Мне не жалко, что она умерла, ну года подошли – умерла. Мне жалко, что её так, смерть-то така'... убить, надо же Татьяне-то [дочери] было!

Убийство матери оценивается как грубое нарушение этических норм, разрушение базовых человеческих ценностей.

Плач как эмоциональное проявление человека вписан в систему поведенческих норм. В частности, он обязателен в похоронном ритуале. Внимание говорящего к соблюдению данного обряда подтверждается цитированием похоронных причитаний односельчан:

(5) Ши'бко она *плакала*, Надя. Валя не так *плакала*. Только... «О'споди! Осталась я с де'точкими со своими». А эта: «Зачем в Бело'ву поехала? Может, в тру'дну минуту тебе бы, мама, помо'чь надо было».

Для обозначения обрядового голошения наряду с глаголом *плакать* используются и специальные единицы (*при'чет / причёт, прививать, голосить*):

(6) [Собиратель: А у гроба как-то специально причитали?] Ну она так *плакала*: «Ой, мамочка! Родна' моя кормилица, мамочка! Прости меня за всё. Много я тебе горя принесла». Она же ребёночка принесла в девках, Рая-то. Ну а... позор же, как вроде бы. Ну кто-то мне говорил, что она, говорили, никто' там, *привыва'ла* ешо' [на похоронах]: «Спасибо тебе, что пособи'л мне малых дедушек порбстит'».

С.М. Толстая отмечает, что в восточнославянской традиции оплакивание умерших – преимущественно женская обязанность [Толстая, 1999, с. 141], однако в дискурсе В.П. Вершинной есть упоминания мужского плача:

(7) [О муже умершей сестры] Как давай рёвом реветь! <...> Да с *причётом* прям: «Да никогда она меня не ревновала! <...> Да чё ты меня оставила, Прокофьевна, идного' оставила!» Ну вот так.

Как видно из примеров (5), (6), (7), в речи жителей села сохраняются некоторые элементы традиционных похоронных плачей, речевые формулы и клише, восходящие к фольклорной

традиции (*родна' моя кормилица; малые де-тушки*). Звучат канонические жанровые мотивы благодарности умершему, сожаления, просьбы о прощении, подчеркивается одиночество, покинутость живых. В то же время включение в ритуальный текст фактов жизни конкретной семьи индивидуализирует его.

В единичном контексте упоминается ритуальный плач по политическому деятелю:

(8) Мы дак *плакали* [когда умер Брежнев]. Шура [сестра] дак изо всёй силы *плачет*, а я маленько.

Можно предположить, что это действие воспринимается информантом как не вполне искреннее.

Близкой к ситуации смерти является ситуация поминовения усопших:

(9) А'ли год [о годовщине смерти сына] ему было, ли сколь было – я ши'бко *поплакала* на мог'лках-то...

Однако номинации плача актуализируются в связи с ней значительно реже (3 примера).

В некоторых случаях причиной плача является болезнь родственников. Несмотря на ограниченное количество примеров (всего 4), они весьма выразительны, поскольку говорящий подчеркивает ценность семьи, родственных связей:

(10) «Перелом, че'люзди, в больницу поло'жили» [племянницу]. Ой, я прям *плакала*, дня два *плакала*! Жалко всё равно своё.

Среди регулярно упоминаемых причин плача можно назвать расставание с близкими (7 примеров):

(11) Бутылку взяла да и пришла [односельчанка] к Рае, с бутылкой: «Не знаю, куды' деваться!» Сама, гыт, чуть не *рёвом ревет*, *плачет*. Что увезли эту [отец забрал внучку, долго жившую в деревне с бабушкой].

Частный случай такого расставания – призыв в армию или на войну, представляющий особый культурный сценарий:

(12) Были кто где: косили, сило'с закладывали [когда началась война]. Это же двадцать второго июня. Мне кажется, что мы на работе все были. Приезжа'т к нам бригадир. Бригадир подъезжа'т к

нам, и говорит: «Ну, ребята, плохо дело. <...> Вот так и так, война началась». Кто заплакал, кто чё. <...> Вот Степана [мужа] третьего июля взяли. <...> А мы тут остались. Приехали, работать стали. Я всё плакала, плакала по Степану;

(13) Васеньку-то [внука односельчанки] взяли в а́рмию, а я то... она жыле́т, ши́бка, я знаю, что она жыле́т. Ну и... как? Как не будешь жалеть? Чужих [и то] жалко. <...> Поля, гыт, так похудела, плачет, говорит... прям ре́вом реве́т, гыт. Это, Васю-то прово... проводила.

Плач может быть вызван также поведением родственников, нарушающим этические нормы (пьянство, курение, пристрастие к азартным играм, употребление матерной лексики молодой женщиной):

(14) У Кати-то тоже эта... Она сама рассказывала: Маринкины папирасы нашла. Выла да выла, гыт, я прямо.

Как правило, в таких случаях речь идет о переживаниях старших родственников за судьбу младших или жены о муже (всего 6 примеров).

Примеры, в которых плач вызывают люди, не являющиеся родственниками, единичны:

(15) Ой, как она зарыдала, зарыдала, завывала! [после ссоры с подругой];

(16) Ну, он прямо... Вот не поверите, не хвастаю: плакал! Прям плакал, меня уговаривал [выйти замуж].

В примере (16) субъектом плача, испытывающим любовные переживания, выступает мужчина. По-видимому, такое поведение воспринимается говорящим как необычное, отклоняющееся от нормы, на что указывает включение в речь дополнительного маркера достоверности (*не хвастаю*).

Таким образом, анализ функционирования номинаций плача выявляет прежде всего ценность семьи, родственных отношений в картине мира информанта.

Нередко (15 примеров) упоминается плач из-за материальных проблем. Ситуации этого типа неоднородны. В одних из них, особенно если субъект действия – говорящий, а ущерб значителен, плач оправдан:

(17) Я пошла и говорю: «Ой! Тя́тя», – говорю. Тя́тей мы звали-то [отца]. Говорю: «Картош-

ки-то у меня в погребу ниско́ль нет, все выгребли». Пла́чу!

В других случаях такой плач не вызывает сочувствия. Ироническое отношение к переживаниям из-за материальных проблем отражено в цитировании слов односельчанки:

(18) Ну ты знашь, она кака́, прям руками – ну ей восемьдесят два года – да руками, как вот конь хле́шшэтся. «Ой, жалко мне его [проданный дом], Верочка Прокофьевна, до сме́рти жалко. Я так во-ою, во-ою, во-ою!»

В приведенном контексте негативная оценка передается посредством сравнения с животным, а также интонации. В нашем материале имеются контексты, в которых ирония, насмешка по отношению к той же ситуации выражаются еще более явно, превращаясь в передразнивание:

(19) Вот чё поделаю мале́нко – лежу, лежу, лежу. [Вспомнила, как говорила соседка:] «Вою, вою, вою», как Катерина Васильевна! [Смеётся]. Всё: «Ой, я вою, вою, вою!» Так и я.

На ироническое отношение указывает интонация говорящего и невербальная реакция, сопровождающая слова (смех). Непосредственно высмеивается многократный повтор слова *вою* в рассказе односельчанки. Можно предположить, что переживания из-за продажи дома кажутся Вере Прокофьевне преувеличенными, поскольку рассказчица не потеряла дом, а продала и получила деньги.

Среди анализируемых контекстов имеются и такие, в которых на вербальном уровне выражается сочувствие, однако невербальные средства указывают на иронию:

(20) Она [племянница] на крыле́ц-то села, да прямо плачет тамо-ка: «Да мамочка, да взяла́ бы ты меня с собой, ой!» А мне так жалко [усмехается]. «Взяла б меня с собой: я живу, как не знаю кто, для всех чужа́». <...> А мне надо было пополам уж разделить эту гря́ду-то, в се́рдке-то, а я говорю: «Бери, хоть туды́ ли сюды́, бери. Это, к берегу, ли это ли». Ага. А им, Сергей пришёл, я говорю: «Сергей, вы дайте ей огоро́д-то». [Собиратель: А почему они усебя не дают ей?] Ну дак от не дают, дак как посо́дишь?

В данном случае насмешка информанта вызвана, вероятно, осознанием неискренности, демонстративности поведения родственницы.

Таким образом, плач может быть объектом этической оценки. Ситуации, в которых чужой плач подвергается высмеиванию, указывают на глубинную связь рассматриваемых эмоциональных концептов, дают ценный материал для реконструкции картины мира языковой личности. При этом если плач по умершему человеку воспринимается всегда сочувственно, не допускает иронии, то слишком бурное проявление эмоций из-за смерти животного вызывает у крестьянки недоумение и насмешку:

(21) А она [родственница] пошла, прям *плачет*: «Ой, даже зубки оскалила, как ей [собаке] тяжёла сме́рточка была» [*смеётся*]. Аня-то.

Плач и причитания по животному оцениваются как неуместные действия в связи с тем, что в крестьянской картине мира животные – «низшие» существа по сравнению с человеком [Иванцова, 2003, с. 138].

Объектом насмешки также может быть детский плач:

(22) [Односельчанка: А я думала, он, может, ешо побудет. А потом все разошлись, а он [маленький внук] сидит на диване да у меня плачет. Я думаю...] *Плачет?* [Односельчанка: Я думала, он смеётся, а он плачет.] [В.П. *смеётся*.]

Отношение к детским слезам как несерьезным, не заслуживающим внимания актуализируется и в воспоминаниях информанта о собственном детстве:

(23) Едут из городу, кото́ры на теле́ гав-то там. А я спрашиваю: «Тятю там нашего не на́лили?» «Не видали» [надо], а я «не на́лили». А они гыт: «На ём волки срать уехали» [*усмеяется*] – это мне ответили. <...> Ой! Я «*ы-ы-ы!*». Я *ревела*-то, прям *ревела!* Неужели ум был? *Ха-ха-ха-ха!* От така́ была [маленькая]. И всё-то помню!

Детский плач не вызывает сочувствия, воспринимается как норма поведения, характерная для определенного возраста. Детский плач имеет особую сигнальную функцию, что актуализируется при использовании пословицы:

(24) [Подруга пообещала В.П. мазь и забыла.] Дитя не *плачет*, мать не разумеет.

В этом случае плач выступает как действие, необходимое для достижения результата. Та-

кое восприятие детских слез, по-видимому, характерно для народной культуры в целом. На это указывает, в частности, употребление фразеологизма *золота́ слеза не выпадет*, зафиксированного в «Словаре русских народных говоров» (СРНГ, вып. 38, с. 254).

Концепт «Смех»

В рассматриваемом материале представлено 14 номинаций, зафиксированных в 100 высказываниях.

Субъектом действия, как и при обозначении плача, чаще выступают другие люди (79 % примеров), реже – сам говорящий (21 %).

Высказывания можно классифицировать по нескольким основаниям. Одним из них является коммуникативная роль, выполняемая говорящим.

Так, исследуемая языковая личность может инициировать шутку (4 примера):

(25) А он привёл чёрных этих, чуре́ки ли, узбеки ли – кто они? Привёл их ко мне, а сам-то [племянник] чернёхонький тоже. А я говорю: «А это тоже ваш же?» Они *хохочут*. Я говорю: «Тожe и́хный парень».

При этом смех собеседников является ожидаемой реакцией. Его отсутствие – признак коммуникативной неудачи, восприятия шуточного высказывания всерьез:

(26) Я говорю: «Напиши открыточку, это, Татьяна, проздрáвь». У ей много открыток, старых. Она написала. Поздравили её, Галя пошла, я говорю: «Унеси проздрáвь. Да мне, говорю [шутливо], за шшо́чкой принеси пиися́т грамм». Она гыт: «Ладно». А я говорю: «Ой, ты не скажи... Я *шутю́*, говорю, ты не скажи!» Ну она, видно, сказала. Ну она это... «Придёт, она тебе принесёт». Я говорю: «Ты, поди, сказала? Я *шуткой* же, *посмеялась* – кого за шшо́чкой принесёшь? Ну, я говорю, я *шуткой* прямо». Гляжу – она летит, Татьяна. «Тётя Вера, так ничё не осталось хорошенького, а... какой? «Аг-дам», внесла ли чё ли... купила, бутылку.

Чаще всего В.П. Вершинина выступает как ценитель чужой шутки (6 примеров):

(27) Я тот раз болела, воспаление, как обратилась к врачу-то, он сразу сказал, Юрий Ефимыч-то: «Девка, да у тебя же воспаление лёгких, гыт!» А я так *засмеялась* даже.

Смех вызывает, видимо, несоответствие номинации *девка* пожилому возрасту пациентки, отражающее в то же время доброжелательное отношение врача.

Говорящий может также занимать позицию объекта шутки, насмешки (5 примеров). Такие высказывания чаще всего носят характер предположения:

(28) Она, поди, *смеётся* надо мной? Скажет, это... ешо́ ткёт!

В других случаях отчетливо выражена самоирония:

(29) Я и говорю: «Это стреля́т [о звуках во время пожара]». Я не знаю чё. И гла́вно, Шарик не лает! А я завёртываюсь. Думаю: «Меня бы только не убили». <...> А Поля-то говорит: «А тебя, гыт, и даром никто не возьмёт. А ты, гыт, завёртываеся, ага». *Хохочет* надо мной.

Основанием для классификации высказываний может быть характер комического объекта. Принципиальных отличий в описании говорящим собственного поведения и поведения других людей не обнаруживается. В обоих случаях преобладает вербальный юмор (15 примеров). Вербальный акцент в восприятии смешного может задаваться через номинацию речевого жанра, предназначенного для развлечения:

(30) Да они там [*а*]некто́ ты рассказывают, *хохочут*.

Смешные тексты и смех понимаются как атрибут праздника, в частности свадьбы:

(31) Валя там [на свадьбе] поделала дело́ в! «Вот, гыт, тебе, Алла Юрьевна, сундучок, чтобы не любил тебя чужой мужичок! Вот тебе веник – не проси у свекровки денег». Все, гыт, *рёвом ревели хохотали* [от Валиных прибауток].

Отметим необычное средство выражения интенсивного проявления положительных эмоций: используется фразеологический оборот *рёвом реветь*, в литературном языке обозначающий интенсивный плач.

Смех, судя по текстам диалектной языковой личности, типичен для народного гуляния, молодежных игр:

(32) Там крикнешь: «Вот такой-то мне номер!» – он пойдёт, его прямо ремнём стегнут – ну *для смеху*, конечно, не больно [об игре в «номера»];

(33) [Собиратель: Вы загадки знаете?] Да а кого теперь знаю, забыла. Два брата пошли в море купаться – это ведёрки. Четыре бра́тчика... четыре братца в одну луночку пи́сиют. Это корову до́ят. <...> Мно-ого я знала, раньше всё загадывали все... *Хохо́ чут!*

Включение загадок в группу развлекательных текстов обусловлено как их функционированием среди молодежи, так и, возможно, скрытым эротическим подтекстом, на что указывает последняя загадка.

Смех вызывают и удачно подобранные, необычные слова и выражения:

(34) По радио слыхала: «Голова семьи, гыт...» «Кто, гыт, голова семьи?» – «Конечно, я». <...> Я так *смеялась* одна себе;

(35) А мы, говорит, состряпали на поминки Ольге – сестра-то умерла – да, гыт, мусску́ силу. Я так всё *смеюсь*, думаю... Мусску́ силу надо поменять, гыт, разламывать! [жесткую выпечку].

Вызывают смех неправильно произнесенные имена:

(36) А тут на дорогу уки́дываю, он истанови́лся: «Знашь чё, Вера Прокофьевна? Ты это снег на дорогу не кидай!» Он дорожником работал-то. Я говорю: «А чё?» – «И скажи своей Проси́нье, чтобы она не кидала!» Мне чё-то *смешно* показалось. Аксинья-то возит, а он: «Скажи... скажи своей Проси́нье, чтобы она не кидала на дорогу!»

Было отмечено, что молодым жителям села могут казаться смешными некоторые диалектные слова:

(37) Аня *смеётся* наша, гыт: «Кака́ же охлю́иха, кака́ охлю́иха?» Я говорю: «Ну как сказать? Засранка».

В то же время сама В.П. Вершинина, носитель архаического типа говора, воспринимает с насмешкой многие новые слова, заимствования⁴.

Как комическое воспринимается несоответствие слов действительности (4 случая). Как правило, речь идет при этом о намеренных шалостях, комизм основывается на информационном превосходстве одного из участников коммуникации:

(38) А мужик-то у ей был такой *просме'шник*. А она [односельчанка] хлеб-то испекёт, всё никуды'шно: корки-то отско'чут у ней. А у меня булочка пересидела, они может пересидеть отскочить... Жидко заме'сишь, в печку посо'дишь, они корки отско'чут: корки по себе, тесто по себе... А она на стол ложки поло'жила, да и... хлеб-то разре'зала... ну, так... пополам, поло'жила. Он взял туды' ложки склал, все. Ага. Вот она ходит шарится, и'шшэт, и'шшэт: «Куды'-то ложки я девала, не знаю куды'...» А он – *ха-ха-ха-ха-ха!* – *хохочет*.

В некоторых случаях юмор основывается на эффекте неожиданности, обмане ожиданий:

(39) Ольга пришла. А я воду там оставила. А потом пришла Фи'за. Потом идёт *хохочет* Маруся: «Ой! Я думала, что я первая, думала, Вера ешо', поди', не открыла, спит!».

Объектом сферы комического, кроме специальных развлекательных текстов и ситуативно кажущихся смешными слов, фраз, является также поведение человека.

Упоминания физиологического юмора при этом редки (4 примера):

(40) «Ой, мы сейчас над Сашкой, гыт, *хохотали!*» Я говорю: «А чё он?» – «Он, гыт, перьди'т. Сидит, гыт, и чиха'т и перьди'т, чиха'т да перди'т». А с ём, видно, плохо уж было.

Напрямую особенности подобного юмора не комментируются, однако в ряде случаев он воспринимается скорее как неуместный, ненормативный. В приведенном фрагменте на это указывает финальное высказывание.

Как правило, сфера комического в представлении крестьянки связана с нарушением социальных норм. В частности, упоминается смех над пьяным человеком:

(41) Она стоит вот тут от, ну – растрепалась така', волосёнки коротеньки таки' – ну так ничё, хоро'шенька была, а сейчас от така' толшыно'й, как холодильник стоит! Мы с Володей *хохочем* – он до слёз *хохотал* даже. Ага. Она стоит – ну дурочка и дурочка. Ну пья'на, пья'на и есь.

Непонимание и насмешку вызывает у крестьянки чрезмерная любовь к домашним животным:

(42) Дак она это... так он всё ласково ши'бко – ой! Ну... растаяла вся. Ну я прямо сiju *смеюсь* над

имя'. *Хе-хе!* [Собиратель: Оба любители?] И он любит, ага, «люблю, гыт, я». Три кы'ски тоже [у него]. А я *смеюсь*.

Смех, как и плач, может быть объектом этической оценки. По-видимому, как неэтичный воспринимается смех над старым человеком:

(43) ...Ба'ушка наша была – ца'рьство небесно ей, – от тут, мы чаем, так самовар – а сама «пук!» И тя'тя сидит, сын её сидит, дядя Григорий, я. Ну я ма'ленька была, небольша'... ...Помню я, хорошо. Она это пу'кнула, а дядя Григорий, сын-то это её, и говорит: «Не усери'сь!» – хы! – на неё. Так я *хохотала!* [восходящая интонация] Сейчас бы не *захохотала*, а тогда' прям *хохочу*.

При этом в некоторых случаях говорящий стремится смягчить негативную оценку качеств другого человека. Информант оправдывает поведение незнакомых людей:

(44) «О'споди! Стирала всё. Серёжка-то ночав'л, да весь обосса'лся. И про'стынь всю ибосса'л, и идея'лу, гыт, обосса'л всю...» < > Она *хохочет*, Ленка-то: «От тебе женихи!» Ага. Я говорю: «Ну если бы так, дак он...» Ну если бы... мне кажется, Катя, из а'рьмии его уволили, если бы он обоссы-ва'л ка'жрый день бы. Ка'жрый раз. Может, редко быва'т.

Смягчение негативной оценки в данном контексте происходит через использование маркеров некатегоричности (*мне кажется, ну, может*), а оправдание строится с помощью логических аргументов. Возможно, причиной служит и осознание неприемлемости физиологического юмора, и общее этическое правило «не говорить о других плохо даже в их отсутствие», «не осуждать других», которое строго соблюдается информантом [Иванцова, 2002, с. 75–76].

Смягчение негативной оценки может происходить через использование бранного слова по отношению к близкому, любимому человеку:

(45) Ну Аня его [мужа], кода'... поруга'тся, [он] напьётся, она: «Вражи'на». Ну враг, видно. Вражи'на. [Собиратель: И Вы его так?] Я *смею*. Ну я чё буду так-то [зло] говорить [о племяннике].

Подобное употребление слова окрашено сочувствием и направлено, вероятно, на гармо-

низацию отношений в семье⁵. Контекст дает основания предполагать, что резко отрицательная номинация женой мужа, даже в ситуации конфликта, воспринимается как ненормативная, а использование бранного слова третьим лицом имеет цель перевести конфликтную ситуацию в шутивную плоскость, что приводит к снятию напряжения⁶.

Отрицательно оценивается чрезмерное проявление веселья вскоре после похорон близкого родственника:

(46) Валя уходит [выходит], гыт – и ноги кве'рху, и руки кве'рху: «Ха-ха-ха, ха-ха-ха» – *хохочет* [интонация неодобрения: Валя недавно похоронила мать].

Такое поведение считается допустимым только для маленького ребенка, не осознающего ситуацию:

(47) А лёля-то моя была, тётка Прасковья-то, – мама всё поминала... Мама ишь кака' была! Ну это, мне кажется, глупо она рассуждала. Померли это, а раньше поми'... на поми'нкав сладко-то ели, ходили, дети-то... А лёля, гыт, скака-ат бе'гат! При-ска'кват по тёсу – тёс накладный был, она: «Эх-тирилех, у нас поминки будут!» А там готовят, стряпают да всё, кисели ва'рют, она: «Эх-тирилех!..» Мать умерла, а ей три года было. Ну чё она? Видит, что поминки, а почём знат чё? А мама всё ругала: «Кака' была». Что «эх-тирилех» – мать умерла, она гыт: «Поминки будут». Дак ну если без ума, чё бы она говорила? Раз не было ума.

Таким образом, для говорящего важен не только сам факт нарушения запрета на смех во время траура, но и осознанность / неосознанность данного действия, поэтому в первом случае такое поведение осуждается, а во втором – оправдывается.

Классификация высказываний, в которых эксплицируется концепт «Смех», может быть построена и на основе признака «объединяющий» (смех вместе с кем-то) / «разобщающий» (смех над кем-то).

Информант чаще говорит об «объединяющем» (добром, незлобивом) смехе, о чем свидетельствуют все приведенные выше примеры. «Разъединяющий» (презрительный, уничижительный) смех упоминается редко. Как правило, для этого используются устойчивые обороты *на' смех* и *на смеху'*:

(48) А один тут-ка [кричит]: «Да чё это? Каки' подарки [ветеранам] были?» Раз... поди бы, матом. «Каки' подарки там были? Мыло дали! Это чё, *на' смех* мыло дали?» От так от, по радио так...;

(49) А у него ешо' девочка, эта Катя-то родила'сь. А это... девочка была. Ну он... звал её. То ли *на' смех* звал, то ли, поди, обманывал. Звал её. Она не поехала.

Маркером, задающим пространства своего и чужого, является в том числе язык:

(50) Мы зовём «пластики», а она [украинка] «пилю'шки». Мы *смеёмся*, *на' смех* зовём «пилю'шки».

Диалектный фразеологический оборот *на смеху'* указывает на отсутствие авторитета, уважения к определенному человеку:

(51) А тут Устинья Лаврентьевна была, така' *на смеху'*, ну... ху'денька така', задры'пана;

(52) Страшный тоже такой был! <...> Как-то не любили его девчонки. <...> А всех сватал он прямо, многих здесь сватал, за его никто не шёл. <...> Ну сильно он был как-то... ну как вроде *на смеху'*. Не в почёте был.

В этом случае говорящий присоединяется к коллективному мнению, сформировавшемуся в микросоциуме, тем самым частично снимая с себя ответственность за негативную оценку. Однако и здесь наблюдается смягчение (*ху'денька*), некатегоричность оценки (маркеры неуверенности: *как-то*, *вроде*).

Важность соблюдения социальных норм подчеркивается в высказываниях, субъектом которых выступает коллектив:

(53) Езжайте [на свадьбу], *не смешите* людей, чтобы всё хорошо было там.

К этому типу высказываний относится и пословица:

(54) Поторопилась [и пролила масло]. Поспешишь – людей, гыт, *насмешишь*.

Некоторые примеры указывают, что смех может вызывать и негативную эмоциональную реакцию – обиду:

(55) [Рассказывает о том, как подшутили односельчанки в магазине] Таня [продавец] гыт: «За

рис-то ты не рашшыта'лась». <...> А я на стол-то укладываю [купленные продукты]: «Какой рис-то? Какой рис-то?» Да и на стол-то укладываю, булочки-то... <...> До сех пор обижаюсь. <...> Они *рэвом ревут хохочут* обе...

В данном случае негативные эмоции испытывает сам говорящий, ставший объектом розыгрыша, насмешки. Подобная эмоция может проецироваться и на других людей. При этом желание причинить обиду может маскироваться шуткой, то есть имеет место сознательно осуществляемый косвенный речевой акт:

(56) А я говорю: «Дак вам ничё это, та'мо-ка можно [задерживать пенсию], а нам нельзя?» Вроде *шуткой*, а сама в обиду говорю.

Смена положительных эмоций на отрицательные, происходящая в коллективном сознании, может быть связана с утратой обрядов, уничтожением традиции:

(57) [Собиратель: А обливались раньше?] Угу. Где придётся. Раньше же воду-то возили на лошадях, в ка'дкав. Кто где видит кого, так льют из ка'дков. Истано'вят лошадь и выльют. Весело', *вижжа'т, хохо'чут!* Нихто' не обижался. А счас облей, дак оби'дуются ешо'.

Выводы

Функционирование единиц, номинирующих эмоциональные концепты «Смех» и «Плач», в индивидуальном дискурсе отражает как черты коллективной картины мира, свойственной носителям народно-речевой культуры, так и индивидуально-личностные особенности информанта.

Преобладание номинаций негативных эмоций (примерно 2/3 всех единиц и 2/3 контекстов) соответствует общеязыковым закономерностям.

В то же время значительное преобладание в обеих группах высказываний, где субъектом действия выступают другие люди (3/4 всех примеров), не согласуется с выводами других ученых об эгоцентричности картины мира информанта [Гынгазова, 2007; Иванцова, 2006]. Этот факт объясняется спецификой концептов, включающих компонент внешнего, наблюдаемого действия. Если собственно эмоции воспринимаются прежде всего «изнутри», то смех

и плач могут быть восприняты извне. Возможно, именно поэтому в фокусе внимания оказываются эмоциональные проявления других людей.

Среди причин плача выделяются: смерть, поминовение усопших, болезнь близких людей, ненормативное поведение родственников, разлука с ними. Среди других причин чаще всего упоминается потеря имущества (нередко воспринимаемая с иронией). Таким образом, анализ концепта «Плач» выявляет ценность семьи в картине мира информанта, что совпадает с выводами, сделанными ранее [Иванцова, 2014, с. 324], и в целом типично для диалектной языковой личности.

Количественный анализ контекстов свидетельствует о том, что плач – характеристика преимущественно женского поведения, менее типичная для мужчин, однако мужской плач не осуждается, представление о ненормативности данного действия реконструируется лишь косвенно.

Плач и смех амбивалентны: плач может быть объектом насмешки, косвенно выражающей отрицательную оценку, а смех – причиной обиды.

Смех и плач в диалектной картине мира воспринимаются не только как выражение эмоций, но и как разновидность звукового поведения, регламентируемого обществом. Специфика оценок отражает своеобразие картины мира носителя традиционной культуры (детский плач и смех понимаются как норма, плач по животному – как негативное действие, не вызывающее сочувствия).

Установлено, что в картине мира носителя народно-речевой культуры сохраняются культурные константы, связанные с эмоциональными проявлениями человека, но имеет место и трансформация этой сферы. Плач соотносится с ритуалами похорон, поминок, призыва в армию и текстами похоронных причитаний. Смех, напротив, связан с представлением о празднике, традиционных молодежных гуляниях и играх, с текстами анекдота, прибауток, загадок.

Плач и смех вписаны в ценностную оппозицию «свое» – «чужое», конкретизируя ее эмоциональный аспект: «свое» – это сфера проявления сочувствия, «чужое» – объект насмешек. Имеет место и связь эмоциональ-

ных концептов с оппозицией «раньше» (где смех был объединяющим, общим) – «теперь» (где утрачены традиционные формы веселья).

Причиной смеха могут быть слова, поведение человека, несоответствие слов действительности. Анализ использования глаголов *смеяться*, *хохотать* свидетельствует о высоком уровне речевой культуры информанта из диалектной среды: поводом для смеха служит преимущественно вербальный, а не телесный юмор. Проявляются в анализируемом фрагменте дискурса и такие индивидуальные черты языковой личности, как некатегоричность, стремление к гармоничному бесконфликтному общению, чувство юмора, способность к самоиронии.

В заключение отметим, что анализ категорий трагического и комического в индивидуальном дискурсе с учетом вербального и невербального компонентов поведения языковой личности является одним из перспективных подходов к ее исследованию.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 16-18-02043 «Культура русского народа в диалектном языке и тексте: константы и трансформация»).

The reported study was funded by the Russian Science Foundation, project number 16-18-02043 “The Culture of Russian People in Dialect Language and Text: Constants and Transformation”.

² За единицу подсчетов принят лексико-семантический вариант, то есть слово или оборот в одном из своих значений.

³ При цитировании фрагментов речи принята следующая система обозначений: фрагменты связного дискурса отделены точкой с запятой; в квадратных скобках приведены пояснения или вопросы собирателей; многоточие в угловых скобках указывает на пропуск части текста; полужирный шрифтом маркируется эмфатическое ударение; курсивом выделены анализируемые единицы.

⁴ Е.В. Иванцовой отмечалось, что смех может быть скрытым показателем метаязыкового сознания. Эта его функция реализуется при употреблении диалектоносителем многих лексических единиц – книжных слов, не полностью освоенных неологизмов, некоторых метафор, а также в случае речевых оговорок [Иванцова, 2002, с. 51, 254, 280].

⁵ Использование бранных слов по отношению к себе и близким в иной функции – развлечение

– зафиксировано при анализе текстов носителя просторечия [Соломина, 2013].

⁶ Неконфликтность отмечается исследователями как одна из базовых черт характера исследуемой личности (о других тактиках гармонизации общения, используемых ею, см.: [Маслова, 2014]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белова О. В., 2012. Смех // Славянские древности. Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М. : Междунар. отношения. Т. 5. С. 74–75.
- Борисова К. М., 2012. Фразеологическое представление чувств и эмоций в идиолекте сибирского старожила // Традиции и инновации в филологии XXI века: взгляд молодых ученых : материалы Всерос. молодеж. конф. (г. Томск, 23–25 авг. 2012 г.) / отв. ред. Т. А. Демешкина. Томск : Изд-во ТГУ. С. 62–64.
- Букринская И. А., Кармакова О. Е., 2013. Глаголы со значением ‘исполнять похоронный обрядовый плач’ в русских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2013. СПб. : Нестор-История. С. 74–83.
- Васильченко А. А., 2015. Экспрессивная составляющая в лексике чувств и эмоций (на материале идиолексикона диалектной языковой личности) // Siberia Lingua. № 1. С. 22–26.
- Григорьева Н. А., 2009. Вербализация плача в донских казачьих говорах // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. № 2 (36). С. 112–115.
- Гынгазова Л. Г., 2007. Физическое и духовное пространство в дискурсе носителя традиционной культуры // Картины русского мира: пространственные модели в языке и тексте. Томск : UFO-PLUS. С. 78–109.
- Иванцова Е. В., 2002. Феномен диалектной языковой личности. Томск : Изд-во Том. ун-та. 312 с.
- Иванцова Е. В., 2003. К вопросу о стилевой стратификации дискурса носителя традиционного говора // Актуальные проблемы русистики : материалы Междунар. науч. конф. (г. Томск, 21–23 окт. 2003 г.) / редкол. : Т. А. Демешкина (отв. ред.) [и др.]. Томск : Изд-во Том. ун-та. Вып. 2, ч. 1. С. 135–146.
- Иванцова Е. В., 2006. Диалектный словарь сравнений как источник изучения языковой личности сибирского старожила // Актуальные проблемы русистики. Вып. 3. Языковые аспекты регионального существования человека : материалы Междунар. науч. конф. (г. Томск, 9–11 нояб. 2005 г.). – Томск : Изд-во Том. ун-та. С. 104–112.

- Иванцова Е. В., 2014. Исследование типологических черт диалектной языковой личности // *Языковая личность : Моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсоналогия : в 2 ч. / под ред. Н. Д. Голева, Н. Н. Шпильной. М. : ЛЕНАНД. Ч. 1. С. 308–347.*
- Казакова О. А., 2007. Диалектная языковая личность в жанровом аспекте. Томск : Изд-во Том. политехн. ун-та. 200 с.
- Казарина В. И., Аль-Хаснави А. Р., 2013. Специфическая лексико-грамматическая группа глаголов с семей 'звук' // *Филологос. № 16 (1). С. 25–31.*
- Коберник Л. Н., 2012. Метафорический подход к изучению семантических описаний чувств и эмоций // *Вестник науки Сибири. № 1 (2). С. 294–301.*
- Красавский Н. А., 2001. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Волгоград : Перемена. 495 с.
- Крейдлин Г. Е., Переверзева С. И., 2011. Основные противопоставления на множестве телесных звуков // *Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. № 11 (73). С. 80–101.*
- Кубрякова Е. С., 1996. Концепт // *Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М. : Изд-во МГУ. С. 90–92.*
- Маслова А. В., 2014. Реализация установки на гармоничное общение в речи диалектной языковой личности // *Экология языка и коммуникативная практика. № 1 (2). С. 143–149.*
- Попова С. А., 2015. Образная и сценарная составляющие ментальной структуры «смех» в русской языковой картине мира // *Сибирский филологический журнал. № 1. С. 232–238.*
- Ружицкий И. В., 2017. «Смех» Достоевского глазами лексикографа // *Stephanos. № 6 (26). С. 37–47. DOI: 10.24249/2309-9917-2017-26-6-37-47.*
- Савельева М. К., 2011. Сравнительно-сопоставительный анализ семантической структуры глаголов звучания в литературном русском языке и севернорусских говорах (архангельских и камчатских) // *Вестник Камчатской региональной ассоциации «Учебно-научный центр». Серия «Гуманитарные науки». № 1 (17). С. 152–157.*
- Соломина Е. В., 2013. Об особенностях идиолексикона носителя городского просторечия // *Вестник Томского государственного университета. № 374. С. 37–41. DOI: 10.17223/15617793/374/7.*
- Толстая С. М., 1999. Обрядовое голошение: семантика, прагматика, функции // *Мир звучащий и молчащий: семиотика звука и речи в традиционной культуре славян / отв. ред. С. М. Толстая. М. : Индрик. С. 135–148.*
- Толстая С. М., 2012. Слезы // *Славянские древности. Этнолингвистический словарь : в 5 т. М. : Междунар. отношения. Т. 5. С. 42–46.*
- Asahi Y., 2009. “Cookbook” method and koineformation: a case of the Karafuto dialect in Sakhalin // *Dialectologia. № 2. P. 1–21. URL: http://www.publicacions.ub.edu/revistes/ejecuta_descarga.asp?codigo=401 (date of access: 02.07.2018).*
- Ebtekar P., 2012. Whose voice is telling a story? // *TESOL in Context: Special Edition S3. November. URL: http://www.tesol.org.au/files/files/269_parisa_ebtekar.pdf (date of access: 02.07.2018).*
- Johnstone B., 1996. The linguistic individual. Self-expression in language and linguistics. N. Y. : Oxford university press. 234 p.

ИСТОЧНИКИ

- ПСДЯЛ* – Полный словарь диалектной языковой личности : в 4 т. / под ред. Е. В. Иванцовой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006–2012. – 4 т.
- СРНГ* – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Сороколетов. СПб. : Наука, 2004. Вып. 38. 372 с.

REFERENCES

- Belova O.V., 2012. Smekh [Laughter]. Tolstoy N.I., ed. *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar: v 5 t.* [Slavic Antiquities. Ethnolinguistic Dictionary. In 5 vols]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, vol. 5, pp. 74–75.
- Borisova K.M., 2012. Frazеologicheskoe predstavlenie chuvstv i emotsiy v idiolekte sibirskogo starozhila [Phraseological Representation of Feelings and Emotions in the Individual Lexicon of the Siberian Old-Timer]. Demeshkina T.A., ed. *Traditsii i innovatsii v filologii XXI veka: vzglyad molodykh uchenykh: materialy Vseros. molodezh. konf. (g. Tomsk, 23–25 avg. 2012 g.)* [Traditions and Innovations in Philology of the 21st Century: the View of Young Scientists. Proceedings of the All-Russian Youth Conference (Tomsk, August 23–25, 2012)]. Tomsk, Izd-vo TGU, pp. 62–64.
- Bukrinskaya I.A., Karmakova O.E., 2013. Glagoly so znacheniem ‘ispolnyat pokhoronnyy obryadovyy plach’ v russkikh govorakh [Verbs with the Meaning ‘Perform Burial Ritual Crying’ in Russian Dialects]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2013* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials

- and Research) 2013]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., pp. 74-83.
- Vasilchenko A.A., 2015. Ekspressivnaya sostavlyayushchaya v leksike chuvstv i emotsiy (na materiale idioleksikona dialektnoy yazykovoy lichnosti) [Expressive Component in the Vocabulary of Feelings and Emotions (On the Material of the Individual Lexicon of the Dialect Language Personality)]. *Siberia Lingua*, no. 1, pp. 22-26.
- Grigoryeva N.A., 2009. Verbalizatsiya placha v donskikh kazachyikh govorakh [Lamentation Verbalization in the Don Cossacks Dialects]. *Izvestiya volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Ivzestia of the Volgograd State Pedagogical University], no. 2 (36), pp. 112-115.
- Gyngazova L.G., 2007. Fizicheskoe i dukhovnoe prostranstvo v diskurse nositelya traditsionnoy kultury [Physical and Mental Space in the Discourse of the Traditional Culture-Bearer]. *Kartiny russkogo mira: prostranstvennye modeli v yazyke i tekste* [Images of Russian World: Space Models in Language and Text]. Tomsk, UFO-PLUS, pp. 78-109.
- Ivantsova E.V., 2002. *Fenomen dialektnoy yazykovoy lichnosti* [The Phenomenon of the Dialect Language Personality]. Tomsk, Izd-vo Tomskogo universiteta. 312 p.
- Ivantsova E.V., 2003. K voprosu o stilevoy stratifikatsii diskursa nositelya traditsionnogo govora [On the Stylistic Stratification of the Discourse of Traditional Dialect Speaker]. Demeshkina T.A. et al., eds. *Aktualnye problemy rusistiki: materialy Mezhdunar. nauch. konf. (g. Tomsk, 21–23 okt. 2003 g.)* [Actual Problems of Russian Studies. Proceedings of the International Scientific Conference (Tomsk, October 21–23, 2003)]. Tomsk, Izd-vo Tomskogo universiteta, iss. 2, part 1, pp. 135-146.
- Ivantsova E.V., 2006. Dialektnyy slovar sravneniy kak istochnik izucheniya yazykovoy lichnosti sibirskogo starozhila [Dialect Dictionary of Comparisons as a Source of Studying the Language Personality of the Siberian Old-Timer]. *Aktualnye problemy rusistiki. Vyp. 3. Yazykovye aspekty regionalnogo sushchestvovaniya cheloveka: materialy Mezhdunar. nauch. konf. (g. Tomsk, 9–11 noyab. 2005 g.)*. [Actual Problems of Russian Studies. Iss. 3. Linguistic Aspects of the Regional Existence of a Man: Proceedings of the International Scientific Conference (Tomsk, November 9–11, 2005)]. Tomsk, Izd-vo Tomskogo universiteta, pp. 104-112.
- Ivantsova E.V., 2014. Issledovanie tipologicheskikh chert dialektnoy yazykovoy lichnosti [Study of Typological Features of the Dialect Language Personality]. Golev N.D., Shpilnaya N.N., eds. *Yazykovaya lichnost: Modelirovanie, tipologiya, portretirovanie. Sibirskaya lingvopersonologiya: v 2 ch.* [Language Personality: Modeling, Typology, Portraying. Siberian Linguopersonology. In 2 parts]. Moscow, LENAND, part 1, pp. 308-347.
- Kazakova O.A., 2007. *Dialektnaya yazykovaya lichnost v zhanrovom aspekte* [Dialect Language Personality in the Genre Aspect]. Tomsk, Izd-vo Tomskogo politekhnicheskogo universiteta. 200 p.
- Kazarina V.I., Al-Khasnavi A.R., 2013. Spetsificheskaya leksiko-grammaticheskaya gruppa glagolov s semoy ‘zvuk’ [Specific Lexical-Grammatical Group of Verbs with Seme ‘Sound’]. *Filologos*, no. 16 (1), pp. 25-31.
- Kobernik L.N., 2012. Metaforicheskiy podkhod k izucheniyu semanticheskikh opisaniy chuvstv i emotsiy [A Metaphorical Approach to the Study of Semantic Descriptions of Feelings and Emotions]. *Vestnik nauki Sibiri* [Siberian Journal of Science], no. 1 (2), pp. 294-301.
- Krasavskiy N.A., 2001. *Emotsionalnye kontsepty v nemetskoy i russkoy lingvokulturakh* [Emotional Concepts in German and Russian Linguocultures]. Volgograd, Peremena Publ. 495 p.
- Kreydlin G.E., Pereverzeva S.I., 2011. Osnovnye protivopostavleniya na mnozhestve telesnykh zvukov [Corporeal Sounds: Basic Oppositions]. *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kulturologiya. Vostokovedenie* [RSUH/RGGU Bulletin. Series: History. Philology. Culturology. Oriental Studies], no. 11 (73), pp. 80-101.
- Kubryakova E.S., 1996. Kontsept [Concept]. Kubryakova E.S., ed. *Kratkiy slovar kognitivnykh terminov* [Concise Dictionary of Cognitive Terms]. Moscow, Izd-vo MGU, pp. 90-92.
- Maslova A.V., 2014. Realizatsiya ustanovki na garmonichnoe obshchenie v rechi dialektnoy yazykovoy lichnosti [Realization of Harmonious Mood of Communication in Speech of Dialect Language Personality]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika* [Ecology of Language and Communicative Practice], no. 1 (2), pp. 143-149.
- Popova S.A., 2015. Obraznaya i stsenarnaya sostavlyayushchie mentalnoy struktury «smekh» v russkoy yazykovoy kartine mira [Figurative and Scenario Components of the Mental Structure “Laughter” in the Russian Language Map of the World]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal* [Siberian Journal of Philology], no. 1, pp. 232-238.

- Ruzhitsky I.V., 2017. «Smekh» Dostoevskogo glazami leksikografa [“Laugh” in Dostoevsky’s Works Through the Eyes of a Lexicographer]. *Stephanos*, no. 6 (26), pp. 37-47. DOI 10.24249/2309-9917-2017-26-6-37-47.
- Savelyeva M.K., 2011. Sravnitelno-sopostavitelnyy analiz semanticheskoy struktury glagolov zvuchaniya v literaturnom russkom yazyke i severnorusskikh govorakh (arkhangel’skikh i kamchatskikh) [Comparative Typological Analysis of the Verbs of Sounding Semantic Structure in the Standard Russian Language and Northern Russian Idioms (Arkhangelskiy and Kamchatkiy)]. *Vestnik Kamchatskoy regionalnoy assotsiatsii «Uchebno-nauchnyy tsentr»*. «Gumanitarnye nauki» [Journal Collection of Scientific Works of KRASEC. The Humanities], no. 1 (17), pp. 152-157.
- Solomina E.V., 2013. Ob osobennostyakh idioleksikona nositelya gorodskogo prostorechiya [Idiolexical Specifics of Russian Urban Vernacular Speaker]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], no. 374, pp. 37-41. DOI: 10.17223/15617793/374/7.
- Tolstaya S.M., 1999. Obryadovoe goloshenie: semantika, pragmatika, funktsii [Ritual Lamentation: Vocabulary, Semantics and Pragmatics]. Tolstaya S.M., ed. *Mir zvuchashchiy i molchashchiy: semiotika zvuka i rechi v traditsionnoy kulture slavyan* [World of Sounds and Silence: Semiotics of the Sound and Speech in the Traditional Culture of the Slavs]. Moscow, Indrik Publ., pp. 135-148.
- Tolstaya S.M., 2012. Slezy [Tears]. *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar : v 5 t.* [Slavic Antiquities. Ethnolinguistic Dictionary. In 5 vols.]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, vol. 5, pp. 42-46.
- Asahi Y., 2009. «Cookbook» Method and Koine-Formation: A Case of the Karafuto Dialect in Sakhalin. *Dialectologia*, no. 2, pp. 1–21. URL: http://www.publicacions.ub.edu/revistes/ejecuta_descarga.asp?codigo=401 (accessed 02 July 2018).
- Ebtekar P., 2012. Whose Voice Is Telling a Story? *TESOL in Context: Special Edition S3. November*. URL: http://www.tesol.org.au/files/files/269_parisa_ebtekar.pdf (accessed 2 July 2018).
- Johnstone B., 1996. *The Linguistic Individual. Self-Expression in Language and Linguistics*. New York, Oxford university press. 234 p.

SOURCES

- Ivantsova E.V., ed. *Polnyy slovar dialektnoy yazykovoy lichnosti: v 4 t.* [The Complete Dictionary of a Dialect Language Personality. In 4 vols.]. Tomsk, Izd-vo Tomskogo universiteta, 2006–2012. 4 vols.
- Sorokoletov F.P., ed. *Slovar russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2004, iss. 38. 372 p.

Information about the Author

Svetlana S. Zemicheva, Candidate of Sciences (Philology), Researcher, Laboratory of General and Siberian Lexicography, Tomsk State University, Prosp. Lenina, 36, 634050 Tomsk, Russia, optysmith@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3266-3696>

Информация об авторе

Светлана Сергеевна Земичева, кандидат филологических наук, научный сотрудник лаборатории общей и сибирской лексикографии, Томский государственный университет, просп. Ленина, 36, 634050 г. Томск, Россия, optysmith@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3266-3696>